

Взгляды на русскую критику XIX века К. Леонтьева и В. Розанова во многом непривычны для нас, воспитывавшихся в основном на критических статьях В. Г. Белинского и "великих шестидесятников". Конечно, нельзя принимать огульного отрицания ими "реальной" критики, которая очень хорошо чувствовала общественную функцию литературы, при этом не пропагандируя плохих вкусов, не навязывая в качестве образцов второразрядных произведений, что признавали и сами К. Леонтьев и В. Розанов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Розанов В.В. Три момента в развитии русской критики // Сочинения. М., 1990. С. 157.
- ² Там же. С. 160.
- ³ Там же. С. 158.
- ⁴ Леонтьев К. Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой : Записки отшельника // Избранное. М., 1993. С. 192.
- ⁵ Там же. С. 195-196.
- ⁶ Там же. С. 198.
- ⁷ Чехов А.П. Полн. собр. соч. : В 30 т. М., 1983. Т. I. С. 17.
- ⁸ Леонтьев К. По поводу рассказов Марка Вовчка : Критические статьи // Собр. соч. М., 1912. Т. 8. С. 34.
- ⁹ Розанов В.В. О писательстве и писателях. М., 1994. С. 338.
- ¹⁰ Розанов В.В. Избранные соч. М., 1992. С. 58.
- ¹¹ Там же. С. 154.
- ¹² Там же. С. 170.
- ¹³ Розанов В.В. О писательстве и писателях. М., 1994. С. 335.
- ¹⁴ Там же. С. 328.
- ¹⁵ Леонтьев К. По поводу рассказов Марка Вовчка. Указ. соч. С. 28.
- ¹⁶ Там же. С. 69.
- ¹⁷ Леонтьев К.Н. Критические статьи. Указ. соч. С. 34.

А. С. Гришин

Новые зарубежные исследования по русской литературе Серебряного века

Одной из самых заметных и плодотворных тенденций нашего литературоведения последних 7-10 лет стало резкое расширение проблематики, имен за счет перепечатки критических и теоретических статей и книг русских модернистов конца XIX – начала XX века, русской религиозно-философской критики и публикации работ зарубежных русистов. Литературоведение стало более «пестрым», молодым и многоголосым, из него уходят в прошлое не только идеологические, но и литературоведческие штампы.

Литература Серебряного века долгие годы пристально изучалась как отечественными, так и зарубежными исследователями. Сложилось две системы приоритетов: в нашем литературоведении больше внимания уделялось потоку реалистической литературы (поздний Л. Толстой, Чехов, Короленко, Горький, Бунин, Куприн и другие), ибо считалось, что реализм внес наибольший вклад в развитие литературы. Нереалистические течения (символизм, акмеизм и футуризм), терминируемые как декадентские, рассматривались как второстепенные, а не равноправные с реализмом. Из модернистов лишь Брюсов, Блок и Маяковский удостоивались серьезного изучения как якобы «преодолевшие» декадентство. Такой «реализмоцентристский» подход к литературе Серебряного века уходит в прошлое.

В зарубежной же русистике в первую очередь изучалась модернистская литература. Традиция такого подхода и ее инерция сохранены в рассматриваемых книгах. Поэтому в книге Х. Барана¹ представлены статьи о творчестве В. Хлебникова, Ф. Сологуба, Блока, Ремизова, Ахматовой, а также о «праздничной» литературе модернистов, и нет ни одной статьи о реалистах этого времени. Та же картина наблюдается в книге В.л. Маркова², где исследуется в первую очередь поэзия символистов, акмеистов и футуристов.

Одна из перспектив современного отечественного литературоведения, фиксируемая в работах русских и зарубежных исследователей, – использование разных научных методов, отказ от абсолютизации одного какого-то метода. В этих двух книгах использованы культурно-исторический, сравнительно-исторический, формальный и структуралистский методы. Ревнитель монистического взгляда на литературоведение резонно заметит, что плюрализм научных методов обернулся эклектикой. И это верно, ибо, наконец, убеждает – в литературоведении нет и не может быть, в силу специфики предмета, одного единого и универсального метода. Поэтому абсолютизация любого существующего или только открываемого метода некорректна и ненаучна.

Публикация работ зарубежных русистов важна по следующим причинам: 1) получаем так необходимый в научном плане «взгляд со стороны», «чужими глазами»; 2) появляется реальная возможность сравнить уровень отечественного и зарубежного литературоведения; 3) русский читатель получает возможность без идеологических посредников и сторожей изучать мировую русистику.

Книга Х. Барана "Поэтика русской литературы начала XX века" представляет статьи 1972-1993 гг. Поляк по происхождению, он вместе с родителями эмигрировал в США в 1947 г. В 60-е гг. учился в Массачусетском технологическом институте, где слушал лекции Р. Якобсона, затем и его жены К. Поморской, известной исследовательницы русской литературы. Учителем Барана был и К. Тарановский, исследователь метрики русского стиха ХУШ – ХХ вв. и поэтики русской литературы двадцатого века. Х. Баран испытал влияние тартусско-московской школы русского структурализма. Книга его состоит из 2-х разделов: первый – статьи о творчестве В. Хлебникова, второй посвящен разным проблемам и авторам литературы начала века (типологии русского модерниз-

ма, «Творимой легенде» Ф. Сологуба и ее главному герою Триродову, спорам критики вокруг его же «Навских чар», мотивам вампиризма у Блока, стихам Ахматовой, опубликованным в апреле 1917 г. в «пасхальном» номере газеты «Русское слово»). Наконец, очень интересная статья посвящена дореволюционной праздничной литературе, т.е. жанру святочного, рождественского или пасхального рассказа и стихотворения, который в 900-е годы очень активно развивали модернисты.

У Хлебникова Х. Баран в первую очередь исследует интертекстуальные или межтекстовые связи в стихах, поэмах, пьесах, статьях. Такой подход оправдан: Хлебников как ни один из русских футуристов не только призывал к «расширению словесной базы» литературы, «границ поэтического языка», но и реально делал это в творчестве. Использование мотивов, сюжетов, образов, имен из мифологии и фольклора разных народов, из исторических, литературных, этнографических, ботанических и других источников, порою малоизвестных, словотворчество и поиски заузного, «звездного» языка превратили творчество Хлебникова в некую неисследимую аркану. Расшифровка тайн и темных мест творчества Хлебникова – самая удачная сторона статей Барана: он разыскал источник, из которого поэт черпал мифы древнего народа орочей (П. Маргаритов «Об орочах Императорской гавани». СПб, 1888). Мифы, собранные в книге, отразились в сверхповести «Дети Выдры», стихотворениях «Пламена», «Песнь мне», рассказе «Око» [1, 16-20]. Интересны обнаруженные исследователем редчайшие источники любовных стихотворений «Бех», «О черви земляные» [1, 22-66].

Много внимания уделено Х. Бараном фольклоризму и поэтике фольклоризма Хлебникова. Статья «Фольклорные и этнографические источники поэтики Хлебникова» носит обобщающий характер. Здесь показано, что фольклор был для Хлебникова «концептуальной моделью», которая резко противопоставлялась современной литературе. «По его мнению, - пишет Баран, - большая часть произведений русской литературы противостоит фольклорным текстам, а так как последние являются истинным мерилем народного духа, русских писателей (но не футуристов) отделяет от народа глубокая бездна» [1, 117]. Для Хлебникова приоритетными оказались малые жанры фольклора: «пословицы и поговорки, загадки и заклинания занимают большее место в его рассуждениях, чем сказки, былины и плачи» [1, 120]. Поэтому пословицы различных типов и в разных функциях стали в поэзии Хлебникова важнейшим строительным материалом, основным их источником – словарь русского языка Даля и его же собрание пословиц и поговорок.

Большой интерес представляют статьи об отражении «Истории» Геродота и творчества Пушкина в поэзии Хлебникова.

Из второго раздела следует отметить статью «К типологии русского модернизма: Иванов, Ремизов, Хлебников», где убедительно показано, как принадлежность к разным поэтическим школам этих художников, ранее близких по своему отношению к фольклору, развела их и определила три разновидности русского модернизма.

Две статьи о Ф. Сологубе помимо анализа образа главного героя «Творимой легенды» Триодова и критических споров вокруг «Навях чар» убеждают, что именно Сологубу-прозаику принадлежит ведущая роль в формальных преобразованиях русской прозы начала XX века.

Статья «Некоторые реминисценции у Блока: вампиризм и его источники» раскрывает фольклорные и литературные источники этой темы, ее связь с темами демонизма. Завершающие книгу статьи «Дореволюционная праздничная литература и русский модернизм», «Пасха 1917 г.: Ахматова и другие в русских газетах» посвящены мало-исследованному жанру святочного, рождественского, пасхального рассказов, стихотворений, которые очень активно разрабатывались в 90 - 900-е годы как модернистами, так и реалистами. Трансформации этого жанра, его роль в развитии литературы, в творческом становлении художника и многое другое высвечены в этих статьях убедительно и глубоко.

Книга Вл. Маркова "О свободе слова в поэзии. Статьи. Эссе. Разное", составленная из статей 1954-80-х гг., читается с большим интересом и удовольствием. Еще отраднее ее читать на фоне отечественного литературоведения последних 10 лет. Казалось бы, волею истории, оно должно обрести свободу, крылья и размах. Но в нем царят некая гносеологическая безотрадность, казенно-бюрократический или птичий язык. хороший стиль – редкий гость.

Оказавшись в числе эмигрантов второй волны, Марков, выпускник ЛГУ 30-х годов, более полувека выступает как поэт, переводчик, издатель и комментатор, исследователь русской литературы, в первую очередь Серебряного века. Книги и статьи Маркова, профессора славистики Калифорнийского университета, по их стилю, проблематике, идеям резко отличаются от традиционных критических и литературоведческих работ отечественных и зарубежных исследователей и оказываются близкими к понятию «проза поэта», к тому типу статей, который культивировали Блок. Белый. Иванов и другие поэты Серебряного века. О литературе, о поэзии Марков пишет живо, увлекательно, интересно и глубоко, часто задиристо по отношению к авторитету поэта, о котором пишет, или критиков-предшественников. Именно эта свобода, глубина и легкость, эссеистский стиль, за которыми чувствуются великолепное знание русской поэзии, тонкий вкус и слух поэта, подкупают и покоряют. У него нет разграничения на статьи критические и теоретические. Поэзия, критика, философия и эстетика идут у него единым потоком.

Основу книги составили статьи о русской поэзии и поэтах Серебряного века. Но Марков, блестящий знаток русской поэзии XVIII – XX вв., часто и естественно выходит за рамки этого периода. Открывает книгу статья «О свободе в поэзии». Ее заглавие, казалось бы, настраивает читателя на чтение об идеологическом или цензурном гнете, сознание читателя вначале не фиксирует всего лишь одну букву – предлог «в», а в нем все дело и весь смысл. Пушкин, Фет, Кузмин и другие поэты рассмотрены здесь как разные типы именно поэтической свободы творца – свободы идейной (содержательной) и формальной (художественной).

жественной), т.е. свободы поэта внутри своей поэзии. И в этой статье, и в статьях «Поэзия Михаила Кузмина», «Беседа о прозе Кузмина» читателя могут удивить высокие оценки Марковым поэзии и прозы М. Кузмина, но сделано это очень убедительно. По Маркову: «Кузминская свобода – свобода непринужденности» [2, 39]. «Редко у какого поэта техника так вся на виду и одновременно так незаметна. Его рифмы богаты, но просты» [2, 42]. Привлекателен, мистически глубок и точен последний вывод статьи «О свободе в поэзии»: «Силу поэты получают от своего земного рождения, мастерству учатся сами и от мэтров; свобода же – подарок какой-то иной родины» [2, 46].

Обобщающий характер носят статьи «К вопросу о границах декаданса в русской поэзии (и о лирической поэме)», «Русские цитатные поэты: заметки о поэзии П. А. Вяземского и Георгия Иванова», «Стихи русских прозаиков», «Можно ли получить удовольствие от плохих стихов, или О русском «чучеле совы».

Принципиальное значение для понимания поэзии и всей литературы Серебряного века имеет статья «К вопросу о границах декаданса...». (Следует сразу отметить, что термин «декаданс» употребляется Вл. Марковым как нейтральный, а не оценочный). Считая урбанизм «общей базой», на которой формировался и существовал русский декаданс, Марков утверждает, что границы его не замкнуты 1890-1917 годами, а доходят почти до середины 20-х годов. «Вполне возможно, - пишет он, - что явление, возникшее в России в начале 1890-х гг. под названием «декадентства», было и глубже, чем кажется, и не таким кратковременным, как думают. Его черты можно наблюдать в 1924 г., а если присмотреться, то и позже» [2, 53]. Такое понимание хронологических границ «декаданса», а шире – литературы Серебряного века, на наш взгляд, более убедительно, чем утверждаемое Б. Хазановым в статье «1913 год». «1913 год, - пишет Хазанов, - был... концом того периода русской литературы (и русской духовной культуры в целом), который часто называют Серебряным веком... Русский Серебряный век продолжался менее двух десятилетий. К 1913 году он исчерпал себя»³. Неприятие Хазановым всех постсимволистских течений, явная недооценка им русского футуризма привели к тому, что всю литературу после 1913 года он называет «эпохой эстетического варварства»⁴.

Вл. Марков в отличие от Хазанова – проникновенный знаток и поклонник русского футуризма, один из немногих исследователей, показавший его реальные поэтические достижения, поставивший поэзию футуризма выше акмеистской поэзии. К сожалению, наиболее интересная его статья «Мысли о русском футуризме», в которой дается развернутый философско-эстетический и литературоведческий анализ поэзии футуризма, не включена в эту книгу. Но статья о В. Хлебникове дает представление о понимании Марковым поэзии футуризма, личности поэта-футуриста и личности поэта вообще. Заглавие этой статьи «О Хлебникове (попытка апологии и сопротивления)» точно обозначает границы научного, читательского и эмоционального понимания этой «светлой личности» (определение Вл. Маркова) и ее творчества. Статья далеко выходит за рамки заглавия. В ней поднято много интересных

общетеоретических, историко-литературных проблем, а также проблем, связанных с воспитанием эстетического вкуса. Во-первых, Марков здесь одним из первых заговорил о теневой или оборотной стороне русского Серебряного века. Этот аспект сегодня чрезвычайно важен, т.к. в последние десять лет в нашем литературоведении по отношению к Серебряному веку господствует апологетический подход. Марков указал на такие теневые стороны Серебряного века, как утрата пушкинского идеала (культы) дружбы. Действительно, в Серебряном веке наблюдается серьезное неблагополучие, а порою даже непривлекательность межличностных отношений художников. Не было ни одной пары друзей, которые не поссорились бы, не разошлись, или чуть не дошли до дуэли (вспомним взаимоотношения Бердяев - Мережковский, Гиппиус - Блок, Блок - Белый, Блок - Городецкий, Брюсов - Белый, Волошин - Гумилев, Бунин - Горький, Андреев - Горький и мн. др.). «Злоба к ближнему...», недостаток «человечности», «нездоровая эротика, скепсис, презрение к окружающему» [2, 179, 196, 204] - эти темные стороны Серебряного века, по Маркову, неведомы Хлебникову и его поэзии. Он - «последняя легенда об идеальном поэте, легенда, которую нужно хранить» еще и потому, что «от Хлебникова в последний раз в русской поэзии веет поэтическим бесстрашием» [2, 209]. Вторая интересная проблема определена в словах: «Необходима гуманизация литературного исследования» [2, 186]. Под гуманизацией литературной науки Марков имеет в виду, во-первых, ориентированность ее на рядового читателя, а не только на специалиста; во-вторых, отказ или разумное использование тех литературоведческих методов, которые несут в себе сильную дегуманизирующую тенденцию. Разбросанные по всей книге едкие уколы и упреки в адрес формализма, структурализма, фрейдизма и других методов выстраиваются в одну цепочку: они, по Маркову, углубляясь в текст, анализируя прием, структуру, выступая как «спецификаторские», «морфологические», изгоняют из литературного исследования человеческий аспект, порою невольно дегуманизируют науку; для специалиста-литературоведа они дают многое, но для рядового читателя чаще всего бесполезны. Поэтому Марков настаивает: первое и главное познание литературного произведения - познание читательское. С него должен начинать и специалист-филолог и лишь после этого идут остальные методы.

Третья проблема касается эстетического вкуса читателя и исследователя. Точно определив параметры читательского и исследовательского отношения к творчеству Хлебникова в словах: он «отталкивает, но еще сильнее привлекает» [2, 207], Марков делает принципиально важный для нас филологов и воспитателей филологов вывод: «Лучший способ подхода к нему (и не к нему одному) - не доверять своему вкусу, а воспитывать во вкусе не только строгость, но и открытость» [2, 207]. Идея открытости эстетического вкуса, а не его закрытости принципиально важна и должна быть первоочередной в работе филолога-преподавателя, в воспитании филолога. И здесь поэзия Хлебникова - «лучшее средство от эстетического отупения», ибо она «вызывает на эстетическую борьбу» [2, 211].

Интересными в этой статье представляются анализ личности Хлебникова и стиля его поэзии. «Основная идея, правящая жизнью Хлебникова. - преобразование мира (метаморфоза) через постижение тайн числа и слова» [2, 182], а основной объект его житнетворчества и поэзии – язык. Причем язык заумный, но не в крученоксовском его понимании, а как некий «грядущий мировой язык в зародыше...», который может соединить людей» [2, 181]. Хлебников-поэт не знал деления слов на стили, не знал разницы между хорошим и плохим словом. Поэтому его стиль – «парад «неправильностей» русской речи и стихосложения, каталог стилистических оплошностей. Строка ломится от них» [2, 189]. Но именно эти «неправильности» придают поэзии Хлебникова единство стиля, очарование, а «непонятность» Хлебникова сильно преувеличена» [2, 207].

Статьи «Русские цитатные поэты: заметки о поэзии П. А. Вяземского и Георгия Иванова», «Стихи русских прозаиков», «Неизвестный писатель Ремизов» посвящены малоисследованным проблемам и именам русской литературы. Первая статья, написанная в 1967 г., задолго до работ Ю. Лотмана и тартусской школы, подняла вопрос о вхождении цитаты в поэзию ХУШ - нач. ХХ вв., ее функциях и поэтике. «Стихи русских прозаиков» – первая попытка анализа стихов прозаиков С. Т. Аксакова, Гоголя, Гончарова, Салтыкова-Щедрина. Герцена, Тургенева, Островского, Достоевского, Чехова. Горького и критиков Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Анализ стихов этих прозаиков и критиков убеждает, что стать «двуязычным» (т. е. одинаково владеть прозой и поэзией) никому из них не удалось. Но стихотворные опыты прозаики часто использовали, включая их в свою прозу в роли «подкидышей» или «стихотворений в образе», приписывая стихи героям. Качество стихов прозаиков, по Маркову, не улучшалось. Лишь среди художников начала ХХ в. он увидел примеры подлинного «двуязычия». Это Бунин и Набоков. Здесь, кажется, Марков ошибается. Ведь «двуязычными» уже в 90-е годы были почти все старшие символисты, которые почти с одинаковым блеском писали стихи и прозу и даже пьесы: Мережковский, Гиппиус, Брюсов, Сологуб, а в 900-е годы «двуязычным» стал Белый. Кроме этого, нельзя не обратить внимания еще на одно сгнанное, но интересное «двуязычие» эпохи: Вл. Соловьев, создавая философские тексты, одновременно пишет стихи, то же делает П. Флоренский. Предполагаю, что и другие философы этого времени «грешили» стихами. Таким образом, тенденция к «двуязычию» в начале ХХв. стала достаточно широкой и оправдала себя. И она скорее всего свидетельствует о некоем избытке творческих сил той эпохи, о ее творческом бесстрашии и о том, что многие художники, деятели культуры, ученые приближались к типу ренессансной личности, проявлявшей себя в разных областях. А ведь сегодня нам так не хватает творческого бесстрашия и ренессансной личности!

Пафос небольшой статьи о Ремизове – призыв к тщательному изучению прозы и эссеистики художника – оправдывается тем огромным влиянием, какое проза Ремизова оказала на русскую прозу 1910-20-х годов.

Статьи «Можно ли получить удовольствие от плохих стихов, или О русском «чучеле совы», «Слоговые близнецы в русских стихах». «Трактат о трехгласии», «Трактат об одностроке» рождены великолепным, изощренным слухом Маркова-поэта. Они почти целиком посвящены звуковому строю и звуковой инструментровке русского стиха ХУШ – ХХ вв. И в этой области Маркову удалось открыть много неожиданного, порою коварного для поэтов. Например, он услышал, что в знаменитом стихотворении Бунина «Одиночество» собака почему-то не лает, а кукует в заключительной строке: «Хорошо бы собаку ку-пить», т. к. в ней слиты два слоговых близнеца «ку-ку». В этих статьях Марков очень тонко подметил, как со временем, из-за изменений языка, смысла отдельных слов часто до непристойности меняется смысл многих стихотворений. Например, сегодня строки из стихотворения Апухтина «Когда будете, дети, студентами»:

У начальников будьте клиентами,
Утешайте их жён инструментами

или строки из Ахматовой:

От любви твоей загадочной,
Как от боли, в крик кричу

или строки из «Поэмы Горы» Цветаевой:

Черной ни днесь, ни впредь
Не заткну дыры
Помню губы, двойною раковиной
Приоткрывшиеся моим.

по разным причинам несут оттенок непристойности и порою сближаются по смыслу со знаменитой перекличкой в лесу русских девушек, собирающих ягоды:

Во мху я по колено.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Баран Хенрик. Поэтика русской литературы начала XX века. М. 1993. 366 с.

² Марков Владимир. О свободе слова в поэзии. Статьи. Эссе. Разное. СПб., 1994. 367 с.

³ Хазанов Б. 1913 год // История русской литературы XX век. Серебряный век. /Под ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана и др. М., 1995. С. 405.

⁴ Там же. С. 408.